

УДК 7.067

А. И. Дмитриев

ГЕРОИ В. М. ШУКШИНА КАК НОСИТЕЛИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена историческим предпосылкам появления творчества В. М. Шукшина, анализу логики его развития и оценке его героев как носителей русского национального характера.

Ключевые слова: герой-чудик, праздник души, анонимное существование, русский национальный характер, трагическая драма, философская притча, крестьянская цивилизация, культура города, совесть, «естественный» человек.

A. I. Dmitriev

HEROES OF V. M. SHUKSHIN AS MEDIAS OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The era in which we now live, will undoubtedly go down in the history of Russia, as the next and probably the most powerful period of its “Westernization”. This led to the fact that cultural individuality of our country and its people have faded into the third plans pronounced archaic. Particularly traditional culture of the Russian people is affected in this situation. For this reason, recent idols of the 1960–1970s “village prose writers” and creativity of V. Shukshin were not popular. We think that the time saturated by values of the West is approaching, which was alien to the Russian people, clearly, has come to its expected slowdown. In this situation, V. Shukshin’s heritage, in our view, becomes of obvious relevance, including its study, the intensity of which is in the past. This applies to its literary heritage and especially cinematic. The object of this article is to study the cultural and historical period of 1950–1970s, causing the unique life (as a writer, actor, director) work of V. Shukshin. The aim of the article is to identify the logic of artist development and evaluation

of his heroes as carriers of Russian national character. With the advent of Shukshin's cinematography and literature in the whole galaxy of brilliant writers "villagers", vital national issues have become, finally, the subject of study in the arts. Chief among these problems, especially Shukshin's worry, there was a problem of the state of the Russian soul at the moment of the transition of society into a new social existence "village", which was formed by the Russian national character in "urban". Shukshin, without exaggeration, was the first to realize that this transition will not be a major difficulty in the development of urban culture of a former villager, and their clash with the "anonymity" of the urban environment to which they absolutely were not ready. That's why Shukshin's heroes always carry traits (good and bad) of the Russian national character, often cannot resist the new environment, cannot fit in and out of desperation, being self-destructive. One of the most valuable qualities of the characters of Shukshin's cinematic and literary heritage is their nature, which they inherited as a legacy from the centuries-old process of formation of the Russian national character. Nature is often intuitively understood by Shukshin's heroes as manifested primarily in their response to any kind of man-by-man humiliation. Complete rejection of his heroes almost always leads to unpredictable results. The process of work used scientific methods, adequate research problems, comparative-historical method and art analysis.

Keywords: "hero faddist", a soul celebration, anonymous existence, the Russian national character, a tragic drama, a philosophical parable, a "peasant" civilization, culture of the city, conscience, "natural" man.

Василий Макарович Шукшин вошел в историю отечественного искусства и культуры как гениальный актер второй половины XX века, ярчайший писатель, выделявшийся даже на фоне талантливейших «писателей-деревенщиков» 60-х годов, и кинорежиссер, стоявший особняком в тогдашнем кинопроцессе и потому не оставивший после себя ни талантливых последователей, ни бездарных подражателей. Сам Шукшин неоднократно говорил о том, что надо как-то определиться, выбрать что-то одно. В последние годы он склонен был отдать предпочтение писательству, хотел оставить Москву, уехать на Алтай. Однако и сразу после смерти в 1974 году, и, тем более, сегодня, очевидно, что все наследие Шукшина удивительно цельное, а каждая грань его уникального актерского, писательского и режиссерского таланта принадлежит одному «бриллианту» искусства России.

Благодатные процессы и в жизни, и в искусстве, имевшие место во второй половине 50-х, начале 60-х годов XX века, названные «оттепелью», вызвали к жизни феномен Василия Шукшина. Ощущение трагедии минувшего времени, связанной с войной и «культуром», и надежды на возрождение духовной самостоятельности человека, породило новую литературу и новый кинематограф. Вершиной последнего стал фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» (1957), в котором это ощущение «трагедии и надежды» было воплощено в традиционном для русского, но чуждого советскому искусству, мотиве «вины и искупления». Шукшин оттолкнулся от завоеваний художников периода «оттепели» и пошел дальше. Он показал сначала на страницах своих рассказов, а затем и в фильмах не просто героев из народа, а тех, в ком органично уживались и современные черты, и те, что были сформированы в недрах многовековой русской истории.

В этой статье мы остановим свой взгляд, в основном, на Шукшине-кинорежиссере. Он снял всего 5 полнометражных фильмов, но именно они обозначают логику развития всего его творчества. Иначе говоря, Шукшин обращался к кинематографу тогда, когда назревала необходимость поговорить со своим читателем и зрителем о самом главном и наиболее болезненном, когда необходимо было обобщить, подвести итог пройденному и в жизни, и в искусстве. Далеко не всегда это удавалось. Он не смог, к примеру, осуществить грандиозный замысел картины «Я пришел дать вам волю», и по этой причине вместо нее появился самый неудачный, на наш взгляд, но от этого не менее шукшинский фильм «Странные люди» (1969).

Воплотив в первом своем полнометражном фильме «Живет такой парень» образ Пашки Колокольникова, в исполнении Леонида Куравлева, в котором со всей очевидностью проглядывали национальные и даже фольклорные черты, и, сказав зрителям, что он живет среди нас, Шукшин во втором фильме – «Ваш сын и брат» – исследовал те пути, которые открылись ему в 60-е годы с их громадными социально-политическими переменами в стране, и доказал, что он наш с вами «сын и брат». В сценарии «Я пришел дать вам волю» Шукшин исследовал исторические корни русского национального героя, прежде всего, в лице самого Степана Разина и, конечно же, плотника Матвея Иванова.

В «Печках-лавочках» Василий Макарович впервые отправил своего любимого героя-чудика в путешествие, в большой и сложный для деревенского человека мир, который, в сущности, не принял его и нарушил его нравственную цельность. Разве можно подумать, к примеру, глядя на первые кадры фильма, что в финале герой Иван Расторгуев, в исполнении самого Шукшина, отважится дать взятку главврачу санатория, а потом на пляже всем своим видом демонстрировать свою полную неадекватность окружающим людям. В финале картины автор возвращает Ивана на свою родину и тот, глядя в объектив, скажет: «Ну, все, конец, ребята!». И это будет не столько конец фильма, сколько тех мытарств, которые испытал наш герой в своей поездке «к югу». Наконец, путешествие, предпринятое шукшинским героем в поисках «праздника души», находит свое полное завершение в возвращении «на круги своя» Егора Прокудина, в «Калине красной» – картине, придавшей всему творчеству Шукшина очевидную, с нашей точки зрения, логическую стройность и завершенность.

Хорошо известно, что советское искусствоведение и литературоведение вплоть до 60-х годов старалось избегать термина «русский», предпочитая «советский», если речь, конечно же, не шла о Древней Руси или дореволюционном искусстве. С приходом в кино Василия Шукшина, а в литературу целой замечательной плеяды писателей-«деревенщиков», коренные национальные проблемы, в которых они видели опору в тогдашних духовных исканиях, стали, наконец-то, предметом исследования в искусстве. Главная из этих проблем, особенно волновавшая Шукшина, была проблема состояния русской души в момент перехода общества в новое социальное бытие – из «деревенского», в котором сформировался национальный характер русских, в «городское». Шукшин, без преувеличения, первым понял, что в этом переходе главным будет не трудность освоения городской культуры бывшим сельским жителем, а столкновение их с «анонимностью» городской среды, к которой они абсолютно не были готовы. Вот почему шукшинские герои, являясь всегда носителями черт (хороших и плохих) русского национального характера, чаще всего не могут противостоять новой среде, не могут в нее вписаться и, от отчаяния, оказываются способны к самоуничтожению. Достаточно вспомнить, к примеру, такие рассказы Шукшина, как «Жена мужа в Париж провозжала» или «Сураз», чтобы убедиться в этом.

Одним из самых ценных качеств героев и кинематографического, и литературного наследия Шукшина является их естество, доставшееся им по наследству от многовекового процесса формирования русского национального характера. Естество, чаще всего интуитивно осознаваемое героями Василия Шукшина, проявляется, прежде всего, в их реакции на всякого рода унижения человека человеком. Полное неприятие его практически всегда приводит героев к самым непредсказуемым результатам. Вот всего несколько примеров:

- не понравились «поганые ухмылочки» первого попутчика Ивану Расторгуеву из фильма «Печки-лавочки», и он, обозвав его «профурсеткой», пообещал псевдокультурного горожанина пустить «пешком, по шпалам!»;

- заскучал по дому Степка Воеводин из фильма «Ваш сын и брат» и тут же совершил, с точки зрения обывателя, немотивированный побег из мест заключения за три месяца до окончания срока;

- возмущенный безучастностью к человеческой судьбе в «анонимном» городе, совершает один за другим алогичные поступки Витька Борзенков из рассказа «Материнское поле», за что попадает надолго в тюрьму;

- изменила герою рассказа «Беспальный» жена, а он взял и отрубил себе два пальца.

Конечно же, естество героев Василия Шукшина далеко не всегда положительно. Автор не идеализировал их, не сочинял про них мифы, хотя у всех видел черты русского национального характера:

- не приемлемо «естество» героя Глеба Капустина, который своим агрессивным невежеством «срезал» в деревне всех заезжих интеллигентов в рассказе «Срезал»;

- вызывает сожаление герой Иван Расторгуев из «Печек-лавочек», который утрачивает в своей поездке «к югу» свою нравственную чистоту и лишь в финале ленты становится равным самому себе;

- смешон и жалок Игнат Воеводин на фоне своей деревни и земляков из фильма «Ваш сын и брат», хвастающийся своей жизнью в Москве;

- Андрей Корчуганов из рассказа «Свояк Сергей Сергеевич» даже не заметил того момента, когда в обмен мотора на лодку, подаренную ему нахрапистым рвачем – свояком, он, в сущности, теряет свое нравственное «я».

Среди героев творчества Шукшина немало и таких, чье «естество» невероятно воинствующего свойства. Таков, к примеру, мастер по ремонту телевизионной аппаратуры и доморощенный философ Н. Н. Князев из гениального рассказа «Штрихи к портрету». Как он пытается, несмотря ни на какие обстоятельства, доказать всем окружающим, что жизнь – это бесконечный процесс созидания лучшего общества, которым, по его наивному мнению, можно и должно разумно управлять.

Таков, конечно же, и Егор Прокудин из пронзительной «Калины красной». Этот кинематографический шедевр мы рассмотрим наиболее подробно.

«Калина красная» вышла на экраны страны в марте 1974 года. Ее успех был феноменальный, и на этот-то успех наложилась совершенно неожиданная смерть Шукшина (ему было всего 45 лет) 2 октября 1974 года, которая была воспринята как национальная трагедия [1]. Картина пользовалась успехом у всех слоев общества. Одни увидели в ней мелодраму, другие – трагическую драму. Одни успех ее объясняли тем, что миллионы людей невинно пострадали в сталинские времена и потому Егор Прокудин заслуживает не осуждения, а жалости, несмотря на то, что свои 5 судимостей он получил за воровство. Другие сочувствовали герою, исходя из знаменитой поговорки: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Одни увидели в ней конкретную, полную жизни историю любви бывшего заключенного и «заочницы» Любы Байкаловой в исполнении Лидии Федосеевой, а другие очень глубокий обобщающий смысл, касающийся целой исторической эпохи перехода России из «деревенского» в «городское» социальное бытие. Кроме того, «Калина красная» была духовной автобиографией самого Шукшина и потому воспринималась как исповедь сына своего века. Шукшин не раз говорил о том, что в его жизни вполне могла бы быть и воровская судьба.

О главном герое – Егоре Прокудине – его убийца Губошлеп в исполнении Георгия Буркова сказал: «Он человеком никогда не был. Он был мужик. А их на Руси много». Этот мужик, изменивший двадцать лет назад традициям жизни своих предков – землепашцев, но удивительным образом не утративший коренные черты русского национального характера, главная из которых – это, конечно же, совесть, начинает на наших глазах мучительную борьбу за возвращение самого себя в ту среду, в которой сформировался его тип и характер. Поиск Егором Прокудиным «случившейся утраты» оказался настолько убедительным, настолько бередил душу зрителей, что подавляющее большинство из них, совсем недавно таких же деревенских жителей, восприняли картину Шукшина как зеркало своего духовно-социального состояния. Вот откуда потрясающий успех «Калины красной» в целом у нашего народа. Отсюда же ощущение завершенности творчества Василия Макаровича Шукшина и исполнение им в полной мере своего предназначения как художника. Если говорить о доминирующей жанровой природе этого фильма, то со всей ответственностью можно говорить о том, что это философская притча об исторически неизбежном переходе России из крестьянской цивилизации в городскую с резкой потерей культурного континуума русского национального характера. Егор Прокудин – вор, который в человеческом общежитии является анонимом, в силу «анонимного» существования человека в городе. Но сохранившиеся в этом герое черты русского национального характера все время бередили его душу, и потому он предпринял несколько попыток возвращения в сельскую среду, осознал всю трагичность своей измены (особенно после встречи с матерью), а так как в этой жизни, по словам Василия Шукшина, за все нужно платить, история заканчивается трагической смертью героя.

Литература

1. Коробов В. И. Василий Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 416 с.

Literatura

1. Korobov V. I. Vasilij Shukshin. – М.: Molodaja gvardija, 1999. – 416 s.